СЕРГЕЙ ГОРБУНОВ

Ты сильная, разберёшься

Женский роман доктора

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Сергей Горбунов

Ты сильная, разберёшься

«Автор»
2026

Горбунов С.

Ты сильная, разберёшься / С. Горбунов — «Автор», 2026

Светлана привыкла справляться. С чужими рукописями, семейными заботами, бессонными ночами. Но однажды на знакомом московском перекрестке она не может вспомнить, куда едет.Ей пятьдесят пять. Есть муж, взрослая дочь и третья книга, которую она годами откладывает. Она плохо спит, теряет слова и все чаще срывается на близких. А признаться, что нужна помощь, труднее всего.Муж старается ее уберечь, но забота оборачивается контролем. Дочь хочет жить по-своему. Светлане тоже предстоит понять, чего хочет она сама. Смогут ли они услышать друг друга, когда привычное «ты сильная, разберёшься» больше не помогает?Сергей Горбунов, доктор медицинских наук, написал роман о женщине в менопаузальном переходе, любви в долгом браке и праве на собственную жизнь. Здесь звучат голоса жены и мужа, а заметки доктора помогают понять, как перемены в организме отражаются на чувствах и отношениях.

© Горбунов С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА 6
ВВЕДЕНИЕ. ТА, КОТОРОЙ Я СТАЛА 7
Полторы минуты 7
Мысль, которую не отодвинуть 9
Слово на упаковке 10
Третья книга 11
Листок с номером 13
Первая строка 14
ГЛАВА 1. Палец завис 15
Палец над вызовом 15
Позвонить дочери 16
«Здравствуйте» 18
Своя строка 19
Я позвонила 20
Оставить листок 22
ГЛАВА 2. Девять дней до первого шага 24
Можно попросить 24
Ночь, которую я помню 26
Семь месяцев 27
Мамин голос 29
Рука в ладонях 31
Я готова 33
ГЛАВА 3. Дверь 35
До звонка 35
Линия на бумаге 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Ты сильная, разберёшься

Моим правнучкам Софии, Ксении и Мирославе посвящается

ОТ АВТОРА

Однажды женщина садится напротив доктора и вместо привычного рассказа о жалобах произносит: «Я думала, что просто стала плохой».

Она не справилась с работой, не обрадовалась звонку дочери, не захотела прикоснуться к мужу. Каждую такую неудачу записывала на свой счет, словно всё случившееся говорило об одном: раньше она была другой, а теперь с ней что-то не так. Анализы лежали в папке, повседневная жизнь шла своим чередом, и связать их между собой ей никто не помогал.

За сорок с лишним лет в медицине я слышал подобные признания от очень разных женщин. За коротким «устала» постепенно открывались бессонные ночи, работа, семейные потери, привычки питания, нехватка движения и изменения в организме. У каждой была собственная история, которую не могла рассказать одна цифра в бланке.

Я доктор медицинских наук. За моей работой стоят исследования, клинический опыт и собственная история болезни. Сегодня я помогаю людям разбираться в метаболическом здоровье и долголетии как наставник. Медицинская помощь не раз спасала мне жизнь, и я хорошо знаю ее цену. При этом многое человек делает дома, между обследованиями, когда рядом нет специалиста, а впереди снова обычный день.

Именно эту часть пути мне хотелось показать. В научной статье для нее не всегда находится место, поэтому я написал роман.

Светлане пятьдесят пять. Она редактор, жена, мать взрослой дочери. У нее вышли две книги; третью она давно собиралась написать, но каждый год находилось дело важнее. Однажды привычная способность справляться перестает ей помогать, и приходится искать другой способ жить.

Светлана, ее близкие и доктор в ее истории являются собирательными художественными героями. Разговоры, письма и сцены созданы для романа: это не стенограммы приемов и не биографии конкретных людей. В основе книги лежит мой медицинский опыт, но ни одна судьба не перенесена в нее целиком.

Я не могу знать изнутри, каково женщине проживать ее жизнь. Поэтому мне важно вовремя отступить и дать Светлане говорить самой, сердиться, ошибаться, выбирать и, когда нужно, спорить с доктором.

В коротких заметках на полях я иногда возвращаюсь к разговору: поясняю механизм, называю исследование или показываю, где заканчивается наше знание. Эти сведения помогают понимать происходящее, а история героини остается ее собственным путем, который нельзя использовать как готовую схему лечения.

Мне хотелось написать книгу, после которой человеку станет немного легче рассказать о себе близкому, специалисту или хотя бы самому себе, не обрывая разговор привычным «ничего, разберусь».

Дальше вас встретит Светлана.

Сергей Горбунов

ВВЕДЕНИЕ. ТА, КОТОРОЙ Я СТАЛА

Полторы минуты

Меня не было со мной полторы минуты.

Это случилось в начале ноября, в будний день, около пяти вечера. На Сущёвском валу загорелась зеленая стрелка налево, но я продолжала стоять, держась за руль обеими руками. Не могла понять, куда мне ехать.

Сначала решила, что задумалась. Так бывает: едешь привычной дорогой и вдруг не помнишь последние несколько поворотов. Но на этот раз я не знала ни откуда выехала, ни куда направлялась. Само слово «домой» не приходило в голову. Вокруг была Москва, знакомый перекресток, моя машина, а я словно не могла найти среди всего этого собственного места.

Сзади загудели. Я включила аварийку и осталась стоять. Человек из машины справа сердито показывал мне что-то через стекло; приоткрыв окно, я сказала:

— Я не понимаю, где я.

Он перестал махать. Подошел, попросил заглушить мотор. Дальнейшее я помню отдельными кусками: телефон в его руке, слово «скорая», мой адрес, который неожиданно удалось назвать.

К приезду бригады я уже вспомнила, что ехала с работы домой обычным маршрутом, знакомым много лет. От этого стало еще страшнее. Память вернулась, а объяснения случившемуся у меня не было.

Из больницы я позвонила Володе. После осмотра и обследований меня отпустили с рекомендациями и дальнейшим наблюдением. Хотелось услышать одно слово, которое всё расставит по местам, но вместо него я получила бумаги, новые вопросы и страх, о котором пока не умела говорить.

На заднем сиденье такси Володя держал мою сумку на коленях. Я смотрела на улицы и думала о маме. Она умерла в семьдесят два от инсульта. В последние годы забывала слова, а однажды не сразу вспомнила имя зятя. Тогда я рассмеялась вместе с ней: «Ну мам, бывает».

Теперь этот смех вспоминался особенно отчетливо. Я не знала, было ли между маминым состоянием и моим хоть что-нибудь общее, но страх уже нашел сходство и не хотел слушать возражений. Потом вспомнилась Маша. Если со мной происходит что-то непоправимое, ей придется однажды сидеть рядом, держать мою сумку и так же искать слова.

— Свет, мы приехали.

Я не вышла. Володя наклонился, стараясь увидеть мое лицо.

— Помоги мне, — сказала я.

Он переставил сумку и взял меня за руку.

— Выйти?

Я кивнула. Пока это было единственное, о чем я могла попросить понятно для нас обоих.

Дома положила выписку в сумку, а ключи от машины оставила мужу. К вождению вернулась позже, после повторной оценки. Сам страх никуда не делся: просто научился какое-то время не показываться.

Володя. Ключи

Дома я положил ее ключи на свою тумбочку, а не в ящик, чтобы видела, где лежат. Врач сказал пока не садиться за руль, Света кивнула, а я потом всё проверял, не унесла ли она их обратно в сумку.

Машину надо было забрать, такси оплатить, на работе написать, что завтра опоздаю. Пока делал это, было понятно, что дальше. Когда всё кончилось, остался в коридоре с ее пальто. Она уже ушла на кухню. Один рукав вывернулся, я просунул в него руку и вытянул подкладку.

Я видел, как она иногда останавливается посреди комнаты. Раньше спрашивал: что ищешь? Она сердилась. Я тоже забывал, зачем пришел. Сегодня в больнице она назвала мой номер без единой запинки, и мне хотелось за это уцепиться: видишь, всё помнишь. Не сказал. Она смотрела на меня так, будто ждала чего-то другого.

С кухни донеслось, как поставила чашку. Слишком громко. Я повесил пальто, пошел к ней. Спросил, сделать ли яичницу. Она покачала головой. Я всё-таки достал сковороду: сам с обеда не ел.

Через минуту она придвинула табуретку к плите. Я хотел сказать, что здесь брызгает масло. Потом подвинулся, чтобы ей было видно. Мы смотрели на два яйца. У одного желток растекся. Света провела пальцем по сколу на краю табуретки и попросила разбить еще одно.

Мысль, которую не отодвинуть

Светлана

На следующее утро я проснулась за тринадцать минут до будильника. Он должен был зазвонить в шесть сорок семь, и я знала это, даже не поворачивая головы к часам.

Раньше такие минуты казались подарком. Можно было полежать, дочитать страницу или взглянуть на рукопись, оставленную у кровати. Теперь папка с листами лежала на тумбочке уже несколько дней, и я смотрела на нее, не решаясь открыть.

Это был хороший роман: медленный, тонкий, с длинными внутренними монологами. Я дошла до сто пятой страницы, но, заглянув в него накануне, не узнала абзацы возле закладки. Читала собственные пометки на полях и пыталась вспомнить, когда их сделала.

После вчерашнего случая на светофоре я уже не могла списать эту забывчивость на обычную редакторскую усталость.

Внешне моя жизнь оставалась прежней. Я лежала в своей кровати, в квартире, которую мы с Володей давно считали обжитой до последнего скрипа. Муж спал рядом, дочь жила отдельно, на работе меня знали и ждали. Родителей уже не было, но их фотографии стояли в коридоре, и утром я проходила мимо них, как проходила всегда.

Внутри было тихо. Не спокойно и не радостно; скорее так, как бывает в комнате, из которой только что ушел последний человек. Я пыталась вспомнить, когда в последний раз хотела встать просто потому, что впереди новый день, и не могла.

Повернув голову, посмотрела на Володю. Он спал, приоткрыв рот. На его тумбочке лежали мои ключи от машины.

Я села на край кровати и некоторое время ждала. Раньше вскакивала, сразу вспоминая десяток дел; теперь сначала нужно было прийти в себя. Паркет под ногами оказался холодным. Я любила ходить босиком: хотя бы в этом оставалась возможность почувствовать что-нибудь простое и несомненное.

В коридоре висели фотографии в деревянных рамках. Маша в первом классе, с букетом, который едва помещался в руках. Мы с Володей на даче лет десять назад. Мама. Папа на фоне завода. Я знала эти снимки наизусть и обычно пробегала мимо, не задерживаясь.

На кухне за окном темнел наш клен, сбросивший листья в одну из последних ветреных ночей. Пока шумел чайник, я посмотрела на него и отвернулась. В зеркало по дороге сюда тоже не стала смотреть. При дневном свете собственное лицо казалось незнакомым. В нем не было ничего страшного, просто я не знала, как снова почувствовать его своим.

Из шкафа достала синюю чашку, подаренную Леной на мое пятидесятилетие. Глазурь у нее была темная, форма простая, а на краю оставалась маленькая щербинка: в прошлом году я задела чашкой кран и с тех пор любила ее почему-то еще больше.

Заварила обычный черный чай в пакетике. Когда-то различала сорта, берегла хорошие листья для выходного утра; в последние годы перестала обращать на это внимание.

Сев за стол, я несколько минут ничего не делала. Не брала телефон, не включала телевизор, не перебирала в уме рабочие письма. В этой тишине возникла мысль, которую прежде удавалось отодвигать, заняв себя чем-нибудь полезным.

Что-то не так.

Я пока не могла назвать это точнее. Но впервые не стала возражать себе, объяснять всё возрастом или стыдиться того, что мне трудно. Сидела, обхватив чашку ладонями, и позволяла этой мысли остаться.

Слово на упаковке

В четверг, через несколько дней после того светофора, я зашла в Пятёрочку у дома. В корзине лежали хлеб, яйца, лук, творог и йогурты. Оставалось взять то, что Володя каждое утро добавлял в чай.

У молочного отдела я остановилась, глядя на знакомые пакеты, и вдруг поняла, что не могу вспомнить слово.

Я узнавала их, знала вкус и даже помнила, какой обычно выбирает муж. Взяла один пакет, прочла на этикетке: «Молоко, 2,5%». Вернула на полку. Через мгновение слово снова потерялось. Я взяла следующий пакет и еще раз прочитала надпись.

Время тянулось странно. Наверное, прошло всего несколько минут, но я уже успела решить, что схожу с ума. Не имя дальней знакомой, не название улицы, по которой давно не ездила. Молоко. То, что всю жизнь стояло в нашем холодильнике.

Меня обогнала молодая пара. Девушка смеялась, парень, выбирая йогурты, погладил ее по плечу. Они обсуждали завтрашние планы, не замечая женщины с пакетом в руках. Я смотрела на них и не могла пошевелиться.

Потом пакет выскользнул и ударился о плитку. Угол лопнул, молоко стало растекаться белой лужей. Я поставила корзину возле стеллажа и пошла к выходу. Не помню, извинилась ли перед кем-нибудь; помню только, как боялась, что меня остановят и заставят объяснять.

В машине тряслись руки. Я попыталась вставить ключ в замок зажигания и не попала. Посмотрела на ключ, оставила его на сиденье и позвонила Володе.

Он приехал. После повторного обращения за медицинской помощью мы вернулись домой вместе; самой садиться за руль я уже не стала. Я слышала обращенные ко мне вопросы, отвечала и думала о том, как легко все остальные люди находят нужные слова.

Дома выпила воды, стоя у раковины, потом легла на диван, так и не переодевшись. Молоко мы не купили.

Вечером Володя смотрел телевизор. Хороший человек, думала я о нем, словно составляла рекомендацию для чужих людей. Он старался не шуметь, утром делал себе чай и уходил на работу, не будя меня. В последнее время чаще храпел; я толкала его в плечо, а он переворачивался и что-то недовольно говорил сквозь сон.

Мы прожили вместе двадцать четыре года. Я знала, с какой стороны он спит, что любит на завтрак и где у его куртки заедает молния. А как сказать ему, что мне страшно, по-прежнему не знала.

Третья книга

В субботнюю ночь я долго лежала без сна, глядя в потолок. Рядом дышал Володя. Обычно в такие часы я перебирала завтрашние дела, стараясь утомить себя хотя бы мысленно, но теперь список не складывался. Всё время вспоминались молочный отдел и человек у светофора, который перестал сердиться, услышав мой голос.

Около двух я встала и прошла на кухню. Зажгла маленький ночник над плитой, налила воды. В офисном здании напротив, на четвертом этаже, горело одно окно. Женщина в синем халате протирала подоконник, потом перешла к соседнему. Прежде я не обращала внимания на то, что у нас во дворе есть такая ночная работа.

Повернувшись от окна, я увидела за стеклом шкафа свои книги. Две тонкие книжки: сборник рассказов и повесть. Когда их перестали продавать, я нашла их в букинистических, по одной за несколько лет, и принесла домой. Иногда мне было важно знать, что они здесь и при желании можно протянуть руку, взять в ладонь доказательство того, что это было.

В последние годы я к ним почти не прикасалась.

Теперь открыла дверцу и достала самый старый сборник. «Молодая гвардия», 1992. Мой рассказ стоял восемнадцатым в коллективной антологии; я была самой молодой среди авторов. Рассказ назывался «Лестница». Девочка возвращалась домой, ведя по ступеням собаку, с которой только что гуляла во дворе.

Я прочитала первый абзац, потом второй.

Слова были знакомые, но собственный голос в них узнавался с трудом. Как легко та девушка слышала фразу. Как точно замечала то, мимо чего теперь я проходила бы не глядя. В двадцать три года у нее хватало терпения сидеть над одной страницей весь вечер, потому что для нее эта страница была важна.

Я опустилась на пол возле шкафа, положив книгу на колени.

За прошедшие годы было столько всего, что любой отдельный отказ от своего текста казался разумным. Первый брак, измены, развод, маленькая Маша, счета, которые надо было оплатить. Потом работа, новый дом, папина смерть. Я научилась редактировать чужие книги и радоваться тому, что у меня получается. Мы с Володей выплатили кредит. Мама болела, потом ее не стало. Маша выросла. Всё это было моей жизнью, не чужой ошибкой, и всё же где-то среди этих событий я перестала спрашивать себя, чего хочу сама.

Когда-то папа подарил мне немецкую печатную машинку Erika, тяжелую, с зеленой кареткой. Еще в школе я обещала ему, что буду писать книги. После первой думала: следующую сделаю скоро. Вышла вторая, а третью я откладывала, пока не привыкла считать ее почти несбыточной прихотью.

Я обещала ее себе, той девушке в Литературном институте, которой руководитель семинара сказал однажды: «У вас редкий слух». С годами это воспоминание стало похоже на чужой комплимент, случайно доставшийся мне.

Сидя на полу, я испугалась, что так и проживу дальше. Буду справляться с работой, готовить ужин, звонить дочери и постепенно забуду, чего ждала от собственной жизни. Мысль оказалась страшнее любых слов, которые я до сих пор находила для своей усталости.

Я не знала, что означают мои симптомы, и не могла предсказать, как буду чувствовать себя через десять лет. Но одно было понятно уже сейчас: жить дальше так, будто мои желания ничего не значат, я больше не хотела.

Мне хотелось написать третью книгу.

Не доказать, что я еще чего-то стою. Просто снова сесть за стол и услышать собственную фразу.

Я просидела возле шкафа долго. Женщина напротив перешла в другой кабинет, потом свет погас. Под утро вернула сборник на полку, прошла в спальню и легла рядом с Володей. Спала совсем немного, но, проснувшись, первым делом вспомнила, о чем думала ночью.

Теперь у меня было желание, которое не удавалось отодвинуть списком дел.

Листок с номером

В воскресенье я позвонила Лене.

Она знала меня еще студенткой Литературного института, видела первый сборник, была свидетельницей на нашей с Володей свадьбе после того, как мой первый брак рассыпался. Теперь работала главным редактором издательства, где я редактировала книги. Мы менялись, ссорились, мирились и по-прежнему узнавали друг друга без долгих объяснений.

— Лен, мне нужно с тобой поговорить.

— Что, Светик?

Прежде так называл меня папа. Лена начала после его смерти, когда я долго плакала у нее на кухне. С тех пор я особенно любила, когда она говорила: «Светик».

— Можно сейчас приеду?

— Жду.

У нее на кухне я рассказала обо всем: о светофоре, больнице, молоке, ночи со старой книгой. А потом впервые за долгое время произнесла вслух, что хочу написать третью и не знаю, как к ней вернуться.

Лена не торопилась отвечать. Дослушав, ушла в комнату и принесла маленький листок бумаги.

— Помнишь, я полтора года назад сильно болела?

— Помню.

— Подробно я тебе не рассказывала. Не хотелось еще и этим нагружать. Я тогда на работе плакала, давление скакало, сон совсем ушел. Мне казалось, что всё теперь так и будет. А потом дали этот номер.

Она положила листок на стол и посмотрела на меня.

Я вдруг заметила то, к чему успела привыкнуть за последний год: лицо у Лены стало спокойнее, взгляд яснее. Она не сделалась моложе, но в ней появилось что-то давно знакомое, чего прежде я не могла назвать. Она снова с интересом слушала, выбирала, строила планы. Просто участвовала в собственной жизни.

— Мне помогло, — сказала она. — За тебя обещать не буду. Но номер дам.

Вернувшись домой, я открыла нижний ящик комода. Под бельем и старым серым шарфом, когда-то подаренным папой, лежала зеленая тетрадь в клетку. Сорок восемь листов, двадцать четыре копейки. Я начала ее в Литературном институте, исписала первые двадцать страниц мелким наклонным почерком и бросила.

На полях остались красные пометки Аксёнова. Семинар называли аксёновским, хотя занятия постоянно вели разные преподаватели. Когда приезжал сам Василий Павлович, он читал наши тексты и делал замечания своим толстым красным карандашом. Эти короткие слова на полях я помнила наизусть.

За исписанными страницами по-прежнему оставалась чистая клетка.

Я открыла тетрадь на первой свободной странице, положила туда листок Лены и взяла старую чернильную ручку, которой когда-то писала «Лестницу». Написала рядом:

Четырнадцатое ноября. Не пропасть.

Закрыв тетрадь, оставила ее на кухонном столе, чтобы утром увидеть прежде, чем успею придумать себе другие дела.

Первая строка

Тогда я еще не собиралась рассказывать эту историю. Хотелось справиться хотя бы с ближайшим днем, позвонить по номеру и понять, почему обычная жизнь стала так трудна.

Теперь, возвращаясь к тому ноябрю, я вижу на столе тетрадь и маленький листок, который всё время хотелось спрятать. Третья книга началась здесь, задолго до первой написанной страницы.

С этого утра я и начну.

ГЛАВА 1. Палец завис

Палец над вызовом

Я проснулась в шесть тридцать четыре, за тринадцать минут до будильника, и некоторое время лежала, прислушиваясь к Володиному дыханию. За окном еще было темно. Снег за ночь так и не выпал: я поняла это по комнате, в которой не появилось знакомого бледного света. Наш клен, должно быть, стоял во дворе таким же голым, как накануне.

Оставалось встать, пройти на кухню и взять телефон.

С вечера на столе лежала зеленая тетрадь, вынутая из нижнего ящика комода. На двадцать первой странице я оставила листок Лены, а над ним написала одну строчку. Лежа рядом со спящим мужем, я думала о том, что утром снова увижу этот листок.

Когда зазвонил будильник, я выключила его, прошла на кухню, миновав зеркало в коридоре, и поставила чайник. Тетрадь открылась на нужном месте. На листке были имя доктора и номер, выведенные круглым Лениным почерком, знакомым мне с восемнадцати лет. Чуть выше темнели мои слова, написанные той самой чернильной ручкой, которой когда-то начиналась «Лестница»:

Четырнадцатое ноября. Не пропасть.

Я могла набрать номер, пока закипала вода. Двадцать секунд, несколько обычных слов, и у меня появилась бы дата приема. Я даже знала, что скажу: здравствуйте, мне дала ваш телефон Елена.

Вместо этого заварила чай и села за стол.

После обеда, решила я. Сейчас еще слишком рано.

К полудню я уже сидела в редакции над той самой рукописью, которую не смогла вспомнить пятого ноября. Сегодня было пятнадцатое. Я перечитывала восемнадцатую страницу, удивляясь, как вообще могла прежде добраться до сто пятой, и оставляла на полях осторожные замечания. В чужом тексте я пока находила слова.

Во время перерыва достала телефон, открыла номер и закрыла его. Потом открыла снова. Когда на экране появилась кнопка вызова, я поднесла к ней палец.

Он завис.

Я положила телефон экраном вниз, доела яблоко и вернулась к рукописи. Вечером, убрав со стола после ужина, опять села перед тетрадью.

Утром, подумала я. Утром обязательно позвоню.

Позвонить дочери

Утром я действительно позвонила. Только Маше.

Дочери было двадцать восемь; она жила отдельно, и о многом, что с ней происходило, я узнавала из фотографий в телефоне. Мы не разговаривали уже две недели, хотя прежде я обычно не выдерживала и шести дней. Повод набрать ее номер был совершенно настоящий.

Маша ответила после четвертого гудка.

— Мам?

— Маш, я просто… Как ты?

— Нормально. Что-то случилось?

— Нет. Хотела тебя услышать.

Она помолчала.

— Мам, ты странная.

— Я соскучилась.

— Я тоже. Слушай, можно перезвоню в обед?

— Да, конечно.

В обед она не перезвонила. Я говорила себе, что это нормально: работа, свои дела, мужчина, с которым она меня еще не познакомила. У дочери была жизнь, не требовавшая моего постоянного присутствия, и я давно училась не принимать это за нелюбовь.

Но на телефон всё равно смотрела.

Лишь к середине дня я поняла, почему так легко набрала Машин номер. Звонок дочери был нужен, я и правда по ней скучала. И всё-таки он позволил мне почувствовать, будто главное утреннее дело уже сделано. Я поговорила с близким человеком, услышала живой голос и на время отодвинула другой разговор, ради которого собиралась взять телефон.

Раньше я не замечала за собой такой изобретательности. Если уж решала что-нибудь, то обычно делала. «Светка как танк», — говорили обо мне. Если я обещала, что в субботу едем на шашлыки, люди покупали мясо, даже когда прогноз сулил дождь.

Теперь моя решительность кончалась у маленькой зеленой кнопки. Решение было принято еще в воскресенье, а я уже второй день обходила его стороной.

Вечером Володя посмотрел на меня поверх газеты.

— Свет, ты ничего?

— Ничего.

Он задержал взгляд на моем лице и снова опустил глаза к странице. Обычно я ценила эту его деликатность: Володя не вытягивал признаний, не требовал немедленно объяснить, о чем я думаю. Рядом с ним можно было помолчать.

В тот вечер мне хотелось, чтобы он не поверил. Отложил газету, подошел и спросил еще раз. Может быть, тогда я сказала бы ему про доктора, про тетрадь, про собственную нелепую нерешительность. Сказанное вслух уже нельзя было бы так легко отложить на завтра.

Но Володя вернулся к чтению. Я сама ответила, что ничего не случилось, и он не стал со мной спорить.

Володя. Газета

В газете я три раза перечитал одну строку, но так и не запомнил. Света уже ушла на кухню, а я всё держал газету перед лицом. Спросил ведь. Сказала — ничего. За следующим вопросом мне пришлось бы туда идти.

Утром на работе поменяли порядок выступлений. Теперь мой доклад ставили после молодого, который всё показывал на экране и не заглядывал в записи. Я свои листы знал наизусть, но рядом с ним сразу начинал читать. Хотел вечером дать Свете посмотреть начало.

Она умеет вычеркнуть так, что потом сам не понимаешь, зачем было написано. Иногда от этого легче. Иногда хочется забрать лист и больше не показывать.

В последнее время у нас почти все вопросы были к ней: где, когда, что купить. Она отвечала, даже не отрываясь от чужих страниц. Я привык. Теперь можно было бы понести ей свои, и она, наверное, взялась бы. Потом сидела бы ночью. А я сказал бы спасибо и пошел спать.

Я сложил газету. В кухне щелкнул чайник. Она стояла возле стола с телефоном, по которому не говорила. Я заметил листок в тетради и отвел глаза: вдруг личное. Какое личное, подумал тут же. Жена моя. И всё равно не спросил.

— Чаю будешь? — сказала она.

— Буду.

Я встал, принес чашку. Свои листы из портфеля доставать не стал. От этого немного злился на нее, хотя она про них даже не знала.

«Здравствуйте»

Светлана

В среду я попробовала написать сообщение.

В обед вышла в коридор и остановилась у окна, за которым моросил дождь. Стекло было холодным; я прислонилась к нему плечом, держа телефон перед собой.

«Здравствуйте. Меня зовут Светлана. Лена дала мне ваш номер».

Перечитав, стерла. Набрала короче: «Здравствуйте, я по рекомендации». Мне не понравилось и это. В конце концов от сообщения осталось одно «Здравствуйте», но и его я удалила.

Чего я боюсь?

Доктора я никогда не видела, не слышала его голоса и не могла придумать ничего, что он успел бы мне сделать. Страшным был сам момент, после которого кто-то ответит. Придется назвать причину обращения, назначить день, прийти, рассказать о себе. О том, что я до сих пор скрывала даже от Володи, придется говорить незнакомому человеку.

Я постояла у окна еще несколько минут, не убирая телефона.

А если мне помогут?

От этого вопроса стало не легче.

Я привыкла быть женщиной, которая разберется. Редактирует чужие книги, выслушивает чужие беды, помнит, кому и что обещала. Даже собственная усталость успела стать привычной: трудно засыпать, трудно просыпаться, утром лучше пройти мимо зеркала. В таком виде я была всем понятна, в том числе себе.

Мне было страшно прийти на прием и обнаружить, что ничего не изменится. Но я боялась и другого: что силы начнут возвращаться, а я не сумею понять, на что хочу их потратить. Кроме работы, ужина и очередного обещания кому-нибудь помочь.

Спрятав телефон в карман, я вернулась к столу. На экране героиня чужого романа уже третью страницу стояла перед закрытой дверью, не решаясь постучать. Я оставила автору замечание: «Здесь пора действовать».

Вечером снова открыла тетрадь. Имя доктора и цифры были на прежнем месте. Я посмотрела на них, перевернула листок и положила обратно.

Завтра я опять достану этот листок. Потом, наверное, послезавтра. Буду смотреть на номер, собираться с духом и убеждать себя, что сегодня звонить уже поздно.

С этой мыслью я закрыла тетрадь и оставила ее на столе.

Своя строка

В четверг я долго стояла у плиты, дожидаясь, пока закипит чайник. Володя ушел полчаса назад. В квартире слышались только шум воды и негромкое пощелкивание труб; за окном всё так же темнел клен.

Взяв тетрадь, я почему-то не села за стол. Опустилась на пол у окна, устроила ее на коленях и открыла с самого начала.

Первые страницы были исписаны черными чернилами. Мелкий почерк, сильный наклон, тесные строчки: я словно торопилась записать всё, что успевала услышать внутри. Здесь начиналась «Лестница», мой рассказ, позже попавший в сборник «Молодой гвардии».

Я помнила и этот рассказ, и комнату, в которой над ним работала, но с трудом узнавала себя в девушке, так уверенно ведшей фразу. Она могла полвечера искать одно слово, а потом вычеркнуть целую страницу, потому что найденное слово меняло всё. Ей было не жаль времени на собственный текст.

На полях сохранились пометки красным карандашом. «Слишком». Ниже: «Хорошо». Это были пометки самого Аксёнова. Когда-то одного «хорошо» хватало, чтобы я всю дорогу домой улыбалась, придерживая тетрадь в сумке.

Перевернув еще несколько страниц, я дошла до места, где записи обрывались. Дальше шла чистая клетка.

За окном проехал троллейбус. Соседка с пятого этажа гуляла у клена с рыжим кокером, то и дело наклоняясь поправить поводок. Я смотрела на них поверх тетради и пыталась понять, как могла столько лет не вспоминать об этих страницах. До прошлого воскресенья они лежали под бельем, рядом со старым шарфом, словно вещь, которая однажды отслужила свое.

А ведь я собиралась их заполнить. Не кому-то обещала, а сама хотела.

На двадцать первой странице оставался листок Лены. Я бережно перевернула ее и, взяв с подоконника синюю шариковую ручку, которой обычно подписывала Володины квитанции, написала:

Сегодня четверг. Четыре дня назад я положила сюда телефон врача и с тех пор не могу набрать номер. Не знаю почему. Попробую записать, может быть, так пойму.

Я перечитала эти несколько строк.

За тридцать лет через мои руки прошли тысячи страниц. Я правила диалоги, переставляла главы, писала письма авторам. И всё же сейчас, сидя на кухонном полу, чувствовала себя человеком, который впервые после долгого перерыва взял ручку. Мне некому было объяснять, зачем нужны эти слова. За них не платили, их никто не ждал к сроку. Я написала их потому, что хотела разобраться в том, что со мной происходит.

Почерк оказался почти прежним. Тот же наклон, та же привычка теснить буквы к концу строки. Только рука немного дрожала.

Я закрыла тетрадь, положила ее на стол рядом с банкой кофе и пошла одеваться на работу.

Никому об этом не сказала.

Я позвонила

В пятницу утром я снова сидела над номером и не звонила.

Листок уже начинал сердить меня. Я ведь сама положила его на видное место, сама написала «Не пропасть». Теперь каждое утро приходилось отвечать на безмолвный вопрос, который я себе оставила. Хотелось убрать тетрадь, хотя бы на день освободить кухонный стол.

В семь сорок позвонила Лена. Я еще стояла у окна в халате с теплой чашкой в руках.

— Светик, ты позвонила?

Я не ответила.

— Свет?..

— Лен, я…

— Ты помнишь, что у тебя на тумбочке листок?

Он лежал в тетради, на кухонном столе, но поправлять Лену я не стала.

— Помню.

— И?

— Лен, я не могу.

Она помолчала. На ее кухне засвистел чайник, и от этого знакомого звука мне стало чуть легче. Словно я сидела напротив нее и можно было пока ничего не объяснять.

— Я тебе сейчас одну вещь скажу и положу трубку. Хорошо?

— Хорошо.

— Полтора года назад я три месяца не могла набрать этот номер. Сидела с таким же листком. Так что я, кажется, понимаю, что с тобой.

— И что со мной?

— Мне было стыдно. Будто я всю жизнь справлялась, а теперь должна признаться, что не умею. Еще казалось, что начну меняться и от прежней меня ничего не останется. Не знаю, у тебя так или нет.

Я провела пальцем по краю чашки.

— Похоже.

— Свет, я ведь осталась. Со всеми своими глупостями. Просто мне стало легче жить. Попробуй хотя бы поговорить.

Она попрощалась и, как обещала, положила трубку.

Я еще немного постояла у окна. Раньше я бы обиделась, если бы кто-нибудь усомнился в моей способности справиться. Теперь впервые допустила, что можно позвонить и ничего никому этим не доказывать.

Открыв номер, я нажала на вызов раньше, чем успела придумать новую причину отложить.

Один гудок, второй, третий.

— Алло.

Ответила женщина с негромким спокойным голосом.

— Здравствуйте. Меня зовут Светлана. Мне ваш номер дала Елена…

— Да, Светлана. Лена нас предупредила.

Я замолчала. Пока я прятала телефон и стирала сообщения, Лена успела позвонить сама. По ту сторону уже знали мое имя.

— Мы можем записать вас на прием. Доктор принимает женщин по средам и пятницам. Ближайшее свободное время в первую среду декабря, в одиннадцать утра. Вам подходит?

— Подходит.

— Тогда записываю.

Она спросила фамилию и дату рождения, уточнила, принимаю ли я какие-нибудь постоянные препараты и сдавала ли анализы за последний год. Я отвечала, прислушиваясь к собственному голосу. Со стороны, наверное, было слышно только обычный разговор: женщина записывается на прием, ничего особенного.

— Я пришлю вам анкету и список анализов, которые понадобятся заранее. Анкету заполняйте не торопясь, лучше за несколько вечеров. Хорошо?

— Хорошо.

— Будем ждать вас первого декабря.

Закончив разговор, я опустила телефон. Чай давно остыл. За время звонка на кухне ничего не изменилось, и всё-таки я посмотрела на нее так, будто только что вернулась откуда-то.

Я записалась.

Первого декабря, в одиннадцать утра.

Открыв тетрадь рядом со вчерашними строками, я написала:

Пятница. Я позвонила. Прием в первую среду декабря. Оказывается, меня уже ждали, Лена предупредила. Не знаю пока, что чувствую. Хочу записать, чтобы потом не забыть, как это было.

Я оставила тетрадь на столе, где она лежала уже шестой день. Убирать ее больше не хотелось. Раньше ей находилось место только под бельем, теперь нужно было немного подвинуть банку кофе, чтобы не заляпать обложку.

Оставить листок

В субботу мы с Володей поехали на дачу закрывать воду на зиму. Он возился в подвале, сердясь на что-то, что никак не хотело откручиваться, а я подметала крыльцо.

На ступеньках собрались последние листья. Кленовые, потемневшие по краям, желтые березовые, почти прозрачные, и один большой тополевый. Обычно я сгребла бы их за пять минут, торопясь покончить с работой. Теперь двигала веником медленно, то и дело задерживаясь. На рыжем кленовом листе хорошо были видны прожилки. Березовый зацепился черенком за щель между досками, и я вытащила его пальцами.

Добравшись до тополевого, я подняла его и положила на ладонь. Он был почти с ладонь. Я стояла, рассматривая неровный край, когда из подвала вышел Володя.

— Свет?

— Я мету.

— Я вижу, что ты метешь.

Он подошел ближе. Я не стала прятать лист или объяснять, почему держу его в руке. Володя посмотрел на мою ладонь, потом на меня.

— Хороший лист, — сказал он.

— Хороший.

Мы постояли рядом. От его куртки пахло подвалом и холодным железом. Я слышала, как он дышит, и впервые за эти дни мне не хотелось, чтобы он непременно нашел нужные слова.

Потом Володя вернулся к трубе. Я положила лист на ступеньку и продолжила мести, обходя его веником.

Вечером на даче зазвонил его телефон. Володя вышел из подвала, поднес экран к глазам и улыбнулся еще до ответа. С Колей они собирались на рыбалку. Я слышала только половину разговора: про дорогу, какие-то новые снасти, ветер. Муж смеялся тем быстрым смехом, которого дома за ужином почти не было.

— Ты завтра уезжаешь? — спросила я, когда он убрал телефон.

— Мы неделю назад договорились. Я говорил.

Не помнила. Он начал напоминать, в какой день, я перебила:

— Да помню я.

Володя посмотрел на меня. В руках у него была тряпка, черная от подвала. Он медленно вытер большой палец.

— Свет, мне хочется поехать.

— Езжай.

Получилось так, что лучше бы не разрешала. Он взялся за ручку багажника, потом отпустил.

— Ты хочешь, чтобы я остался?

Мне хотелось, чтобы у меня тоже было такое утро. Собираться по собственному желанию, смеяться до того, как ответишь на звонок. От этой зависти стало стыдно.

— Нет. Хочу, чтобы привез рыбу. Если поймаете.

— Если не поймаем, куплю.

Я засмеялась. Володя открыл багажник. Пока складывал инструмент, я еще немного постояла у крыльца, прислушиваясь к тому, как в груди остывает обида, которую он не обязан был угадывать.

За выходные я больше никуда не звонила. Дома всё шло своим чередом: ужин, посуда, Володины новости о даче. Только в воскресенье вечером, уже собираясь ложиться, я снова открыла тетрадь.

До приема оставалось десять дней.

Я написала:

Через десять дней я увижу человека, который, надеюсь, поможет мне вернуться к себе. Пока не знаю, что ему скажу. Даже не знаю, кого он там увидит.

Список анализов пришел по электронной почте накануне днем. Две страницы. Я распечатала их дома и сложила пополам; через четыре дня предстояло идти в лабораторию. Теперь оставалось положить листы в тетрадь, чтобы утром не искать по всей квартире.

Вложив список в тетрадь, я закрыла ее и прижала обложку ладонью. Вспомнила, как просила Володю помочь мне выйти из такси. Тогда он взял меня за руку, не поняв, что я прошу не только об этом. Я и сама не могла бы объяснить.

На кухонном столе лежала тетрадь с несколькими новыми строками. На дачном крыльце остался тополевый лист, который я не смогла вымести вместе с остальными. А в календаре телефона появилось время, занятое мной для себя.

Я погасила свет, оставив тетрадь на столе.

ГЛАВА 2. Девять дней до первого шага

Можно попросить

В понедельник, через три дня после звонка, я проснулась хуже обычного. За окном падал первый мокрый снег, ненадолго задерживаясь на ветвях клена. Я смотрела, как белые клочки темнеют и тают, и ждала обещанного самой себе облегчения. Раз уж я записалась, можно было хотя бы немного выдохнуть.

Но в голове стоял прежний туман, только плотнее. Пришлось открыть телефон, чтобы вспомнить число: двадцать второе ноября. До приема оставалось девять дней.

На кухне я взялась наливать воду в чайник и промахнулась. Вода побежала по плите, закапала на пол, а я продолжала смотреть на нее, не сразу сообразив, что нужно сделать. Между тем, что я увидела, и движением руки появилась пауза. Раньше я не знала, что простейшее действие может требовать отдельного решения.

Вытерев пол, я заметила разводы, но переделывать не стала.

В тот день на работе я пропустила серьезную несостыковку. В третьей главе романа героиня находилась на восьмом месяце беременности, в пятой ее ребенку уже исполнилось три, хотя по сюжету между главами прошло всего шесть недель. Я прочла этот эпизод, отредактировала и отправила дальше, ничего не заметив.

Ошибку поймала корректор. Письмо от нее пришло в тот же день, с осторожным вступлением: «Светлана Николаевна, может быть, я что-то не так понимаю, но…» Молодая женщина извинялась за то, что сделала свою работу, а я сидела перед экраном и впервые всерьез думала: так я скоро разучусь редактировать.

Мне хотелось ответить ей: не извиняйся, ты совершенно права. Написала сдержаннее: «Спасибо. Исправлю сегодня». Потом закрыла рукопись и попросила Лену передать финальную сверку другой редакторше.

— Ты уверена? — спросила она, посмотрев на меня поверх очков.

— Нет. Поэтому и прошу.

Стыднее всего оказалось то, что она не стала уговаривать меня потерпеть до сдачи. Я бы, наверное, согласилась: чужую настойчивость мне всё еще было легче принять, чем собственную слабость.

Вернувшись за стол, я открыла календарь. Среда, первое декабря, одиннадцать утра. Запись оставалась на месте.

Не отменила.

Вечером я написала в тетради:

Понедельник. Попросила проверить мою работу. Боюсь, что в следующий раз мне уже не дадут рукопись. Но сегодня я хотя бы не спрятала ошибку.

На следующий день пришла анкета. Большой файл на двенадцати страницах прислала женщина, записавшая меня на прием. В письме она просила заполнять не за один вечер, а к трудным вопросам возвращаться позже.

Я распечатала файл в обед, принесла домой в папке и положила на кухонный стол. Двенадцать страниц для одного приема. Прежде мне хватало половины листа: рост, вес, перенесенные болезни, аллергии. Здесь первый же вопрос требовал совсем другого.

«Опишите, пожалуйста, что вас сейчас беспокоит. Своими словами, не медицинскими терминами. Так, как вы рассказываете об этом дома или подруге».

Я смотрела на белое поле, отведенное для ответа. Чужие книги я обсуждала всю рабочую жизнь; если автор не мог объяснить, что хотел сказать, помогала ему найти слова. Теперь слова требовались для меня самой, и привычное умение не выручало.

Написала: «Усталость». Поставила точку, подумала и зачеркнула. Следом вывела: «Не усталость». В таком виде ответ был бесполезен, но я впервые почувствовала, что разговариваю с этой бумагой, а не заполняю бланк.

Через час свободное поле оказалось исписано почти наполовину. Я рассказала про молоко в Пятёрочке, про маму, про то, как перестала писать. Призналась, что не уверена, любит ли меня Володя, и почти сразу написала, что не знаю, люблю ли сейчас его. Меня пугало даже не это: я не понимала, осталась ли во мне женщина, способная чувствовать любовь, а не проверять, всё ли она сегодня сделала для близких.

Перечитав, я закрыла анкету. Откровенность перед незнакомым человеком вдруг показалась почти неприличной. И всё же я не зачеркнула ни одной строчки. Убрала листы в папку и оставила рядом с тетрадью. Банку кофе пришлось подвинуть: мои бумаги постепенно занимали стол, за которым раньше я только ела и оплачивала счета.

В среду я продолжила. Вопрос о сне на первый взгляд был совсем простым: когда засыпаю, сколько раз просыпаюсь, что чувствую утром. Ответ тоже нашелся быстро. Ложусь около одиннадцати, в три ночи просыпаюсь и лежу до пяти; потом ненадолго проваливаюсь в сон, из которого в шесть сорок семь меня вытаскивает будильник. Встаю с такой тяжестью, словно полночи куда-то бежала.

На бумаге это выглядело хуже, чем в жизни, где я годами называла такой сон обычным. Он испортился еще тогда, когда Маша была маленькой, а первый брак распадался. Я ждала, что высплюсь после развода, потом после переезда, потом когда дочь подрастет. Даже замужество с Володей в моих надеждах почему-то начиналось с хорошего сна.

Жизнь менялась, а ночью я по-прежнему лежала с открытыми глазами. Отмечая очередной час на светящихся цифрах, я уже не помнила, когда перестала ждать утра с удовольствием.

Ночь, которую я помню

И всё-таки одна ночь сохранилась в памяти целиком. Маша тогда еще не ходила. В кроватке она сразу начинала кричать, а на руках успокаивалась, если непрерывно двигаться. Я носила ее из комнаты в коридор и обратно, считала шаги и злилась на мужа, который спал лицом к стене. Потом он сел на кровати, провел ладонями по лицу.

— Дай сюда.

— Ты ее разбудишь.

— Она уже.

Он забрал Машу вместе с одеяльцем. У него она сначала затихла от удивления, потом набрала воздуха, и мы оба замерли, ожидая нового крика. Муж вдруг начал петь. Какую-то песню, которую обычно пел за столом с друзьями, громко, с неправильными словами.

— Ты что, с ума сошел? — прошептала я.

Он показал мне глазами на дверь: иди.

Я прошла на кухню. Села на табуретку, не зажигая верхнего света. За стеной ходил муж. На повороте у шкафа у него каждый раз скрипела половица. Песня постепенно стала тише, слова кончились, осталось невнятное мычание.

Я могла лечь. Но на столе под клеенкой лежали два листа, которые я исписала еще до роддома. Я вытащила их, прочла последнюю строчку. Нашла ручку в ящике с ложками.

Когда муж заглянул на кухню, у меня была написана почти страница. Маша лежала у него на плече, прижав к щеке растопыренную ладонь. Он посмотрел на листы.

— Ты бы поспала.

— Сейчас. Еще немного.

Он хотел что-то сказать, но Маша пошевелилась, и он опять заходил, уже по кухне. Пришлось отодвинуть табуретку, чтобы они могли проходить за моей спиной.

Я смотрела на его босые пятки и на маленькую Машину руку, лежавшую у него на шее. Мне нравилось, как он держал дочь. Неловко, слишком высоко поднимал плечо, зато головой всё время поворачивался к ней, будто она могла ему что-то сказать.

— Прочитаешь? — спросил он, когда я отложила ручку.

— Сейчас?

— А когда мне еще тебя слушать? Все спят.

Я прочитала. Дважды сбилась, один раз сама зачеркнула слово. Он остановился у холодильника, покачивался с ноги на ногу и слушал. В конце спросил, почему мужчина в рассказе не вернулся за своей шапкой.

— Потому что он не вернется вообще.

— Жалко. Хорошая была шапка.

Я засмеялась, и Маша вздрогнула. Мы оба испугались, потом засмеялись уже без звука.

Он был таким тоже. Мой первый муж, отец Маши. Я любила его, и у меня были для этого причины. Потом, после развода, я старалась вспоминать только плохое: так было проще не возвращаться. Эта ночь туда не помещалась.

Я посмотрела на вопрос анкеты. На мое «просыпаюсь в три». В соседней комнате Володя передвинул стул. Я убрала руку с листа, на котором уже несколько минут ничего не писала, и перевернула страницу.

Семь месяцев

Следующий вопрос был о цикле. Я вспомнила апрель и удивилась: с последней менструации прошло семь месяцев. Лене я говорила, что изменения начались только в этом году, однако старые записи в телефоне показывали другое. Сбои появлялись уже лет пять. Тогда я объясняла их стрессом, позднее работой, а потом просто перестала отмечать.

Я вернулась к календарю. Апрельская отметка была совсем маленькая, розовая точка под числом. Рядом я записала: «Забрать пальто». Пальто забрала, про точку забыла.

В двенадцать лет я ждала такую отметку как пропуск во взрослую жизнь. В школе мы с девочками говорили об этом шепотом, с неприятной смесью гордости и страха: у кого уже, у кого еще нет. Я делала вид, что мне всё равно. Дома запиралась в ванной и проверяла белье. Мне хотелось, чтобы тело подтвердило: я тоже принята. Кем принята, куда — я не могла бы объяснить.

Первую кровь я увидела утром перед школой. Мама дала мне чистые трусы и сказала, что теперь надо быть осторожной с мальчиками. Я спросила: со всеми? Она рассердилась, решила, что я кривляюсь. А я действительно не понимала, почему вчера со всеми можно было, а сегодня нельзя. За одну ночь между мной и половиной человечества появилось что-то, чего я еще не чувствовала, но уже должна была охранять.

Сейчас я смотрела на розовую точку и обнаруживала в себе ту же девочку, ожидающую подтверждения. Только знак должен был прийти с другой стороны. Пока кровь возвращалась, можно было сердиться на живот, на белье, на неудачный день для поездки, но оставалось это тайное «еще». Я не собиралась рожать. Не хотела начать сначала с коляски и бессонных ночей. Стоило вообразить это всерьез, и я чувствовала усталость. Но окончательность была совсем другим чувством. Кто-то собирался закрыть дверь, которой я давно не пользовалась. Мне даже не предложили самой повернуть ключ.

Я положила ладонь ниже пупка. Под ней был мягкий теплый живот, обыкновенный, мой. Когда-то Маша упиралась в него пяткой изнутри. Я не знала тогда, пятка это или локоть; говорила «пятка», потому что так легче было представить человека. Теперь ладонь лежала на том же месте, и мне почему-то хотелось попросить у него прощения. За что? За восемь килограммов? За злость перед зеркалом? За то, что я уже мысленно рассматривала его как помещение, из которого съехали жильцы?

Мне стало обидно от собственной мысли. Этот живот был со мной и до Маши. Я лежала на нем с книгой, когда мне было семнадцать. Напрягала его от смеха. Прижималась им к мужчине. В нем поднимался страх перед первым выступлением. Я помнила, как перед выходом на сцену у меня стянуло низ живота, а потом я увидела в зале знакомое лицо и смогла вдохнуть. Во мне столько всего происходило, а я выбрала для себя одну-единственную меру: еще способна или уже нет.

На работе я бы не пропустила такую бедную характеристику героини. На полях написала бы: «А чего она сама хочет?»

Я убрала ладонь. Посмотрела на вопрос о весе, следующий в анкете. Мне предстояло опять перечислить то, чем я себе не нравилась. Вместо этого я перевернула свободный лист и написала: «Я пока не знаю, что значит быть женщиной дальше. Но мне страшно, что ответят за меня».

Посидела над этой фразой. Потом вернулась к анкете. В ней спрашивали о теле, и впервые мне захотелось ответить без насмешки над ним.

Вопрос о весе тоже заставил задержаться. За пять лет прибавилось восемь килограммов, главным образом в области талии. Но точного момента, когда перестали застегиваться платья,

я не помнила. Сначала выбирала что-нибудь свободнее, затем покупала следующий размер. Всё происходило достаточно медленно, чтобы всякий раз можно было заняться другим.

«С чего, по вашему ощущению, началось то, что с вами сейчас происходит? Назовите точку отсчета: год, обстоятельство, событие».

Я долго держала ручку над строкой, а потом написала, что не знаю. Может быть, с первого развода, когда мы остались с Машей вдвоем. Может быть, со смерти папы или мамы. Возможно, с того времени, когда перестала писать. Все эти ответы казались и верными, и недостаточными. Хотелось указать одно событие, после которого всё испортилось, но такого события не находилось.

Я закрыла папку, прошла в комнату и легла на диван, не переодеваясь. Слезы пришли неожиданно. Я плакала не из-за вопроса, а от невозможности на него ответить: усталость не начиналась в определенный день, который можно обвести красным. Она собиралась понемногу, пока я была занята.

Володя, вернувшись с работы, сел рядом и положил руку мне на плечо.

— Ты плачешь?

— Да.

— Что случилось?

— Не знаю.

Он еще немного посидел, не убирая руки.

— Хорошо, — сказал наконец и пошел разогревать ужин.

Слово было странное: ничего хорошего не случилось. Но я поняла, что он не требует немедленного объяснения. Ему достаточно моего «не знаю», чтобы побыть рядом, а потом позаботиться об ужине. Раньше я бы решила, что он опять не понял. В тот вечер впервые заметила, сколько всего он делает, не умея назвать это вслух.

Мамин голос

Позже, когда я мыла посуду, вспомнилась мамина кухня. Володя смотрел новости в комнате, вода текла по тарелке, а передо мной всё отчетливее проступали желтый линолеум, холодильник «Минск» в углу и окно во двор сталинского дома на Кутузовском. Зимой там сушили белье на веревке, и оно застывало, сохраняя форму невидимого человека.

Мне было двадцать девять, Маше два. Я привезла показать маме новые дочерины ботиночки, купленные в «Детском мире», и стояла с ребенком у окна. Мама готовила борщ. Ей тогда исполнилось пятьдесят пять, столько же, сколько мне сейчас.

Я что-то рассказывала про размер, про то, как быстро растет нога, и не сразу заметила, что мама перестала отвечать. Она стояла у плиты, держа ложку над кастрюлей, и смотрела на нее, словно забыла, зачем взяла.

— Мам?

Она не шевельнулась.

— Мам, ты что?

Подняв глаза, она посмотрела на меня с таким испугом, что я крепче прижала к себе Машу.

— Свет?

— Что, мам?

Мама заплакала. Беззвучно, не выпуская ложки и не пытаясь вытереть слезы. Я прикрыла ладонью Машин затылок, будто можно было заслонить дочь от того, что происходило у нее на глазах.

— Мам, сядь. Может, давление?

Она вытерла лицо тыльной стороной запястья, неловко отведя ложку вбок.

— Прости. Я не знаю, что это.

— Давай сядем.

— Нет-нет, уже прошло. Просто накатило.

Мама прибавила огонь и принялась мешать борщ, улыбаясь мне той ненадежной улыбкой, которой взрослые стараются успокоить друг друга.

— Светлана, иди с Машенькой в комнату. Я доварю.

Я послушалась. На диване Маша устроилась у меня на коленях и залопотала про куклу, а я гладила ее по волосам, не понимая, что делать. Уходя, тихо попросила папу проверить маме давление. Он кивнул: «Проверю». На этом разговор закончился.

На следующий день я не позвонила расспросить маму. Потом мы еще много лет приезжали в гости каждые две-три недели, но к тому вечеру не возвращались. Папы не стало раньше нее. Проверил ли он тогда давление, поговорили ли они о случившемся, я так и не узнала.

Мама умерла в семьдесят два, после тяжелого инсульта. Володе сообщили, что ее увезли из дома на скорой, он позвонил мне, и я приехала в больницу. Она уже была без сознания. Два дня в реанимации, несколько коротких разговоров в коридоре, чужие шаги за дверью. Потом врач сказал, что ее не стало.

Я целовала мамины холодные руки и думала, что не успела сказать главного. С тех пор прошло около десяти лет, но сейчас, стоя над раковиной с мокрой тарелкой, я вдруг ощутила тот же страх.

Мне хотелось соединить всё одной линией: кухня, ложка, слезы, больница. Будто уже тогда, когда мама плакала у плиты, можно было узнать, чем закончится ее жизнь. Но я не знала, что с ней произошло в тот вечер. Не спросила и теперь уже не могла спросить. От этой простой мысли было больнее, чем от любых объяснений, которые я придумывала задним числом.

Не выпуская тарелки, я села на табуретку и заплакала. На фартук капала вода с рук; я смотрела на ее темные следы и вспоминала собственную ладонь на Машиной голове. Тогда я хотела уберечь дочь от испуга. Теперь мне казалось, что заодно научила ее отводить глаза, когда матери плохо.

Маша не перезванивала, давно не приезжала. В этой тишине я слышала повторение давней истории, хотя понимала: она не знает всего, что со мной происходит. Я сама говорила ей «ничего», когда она спрашивала. Возможно, дочь слышала только то, что я решалась ей сказать.

Мне было страшно представить, как много лет спустя она тоже будет сидеть на кухне, перебирая наши несостоявшиеся разговоры. Но страх ничего не предсказывал. Пока я могла хотя бы попытаться говорить иначе.

Володя в комнате переключил программу. Я еще немного посидела, потом домыла тарелку, закрыла посудомойку и открыла тетрадь.

У мамы я впервые увидела это в пятьдесят пять. Не знаю, что тогда с ней случилось, потому что не спросила. Мне тоже пятьдесят пять. Я хочу, чтобы Маша меня слышала, но ведь она не обязана угадывать. Когда я говорю «всё нормально», у нее есть право мне поверить.

Той ночью я снова плохо спала. Лежала, вспоминая мамин голос и обдумывая фразы, которые могла бы сказать дочери. Ни одна пока не казалась подходящей. И всё же это было другое бодрствование: я уже не только считала часы до утра.

Рука в ладонях

В четверг утром я поехала сдавать анализы. Список пришел еще в субботу отдельным письмом: рядом с показателями было объяснено, что доктор хочет сопоставить с прежними результатами. Две страницы поначалу испугали меня; перечитав, я отметила на полях вопросы и вложила их в папку.

Лаборатория находилась на Цветном бульваре. Можно было выбрать любую, но здесь выполняли и тот тест, ради которого пришлось бы искать еще одно место. Я приехала за полчаса до открытия и сидела в машине, понемногу отпивая воду. Люди шли мимо по своим делам, не догадываясь, как трудно мне было просто доехать сюда вовремя.

Внутри оказалось тихо и светло. У стойки стоял цветок в большом горшке, рядом мягкие диваны. Администратор, прочитав мою фамилию в записи, улыбнулась и позвала по имени. На несколько секунд мне показалось, будто здесь меня уже знают.

Медсестре было около тридцати. На бейдже значилось: Алёна.

— Светлана, давайте левую руку.

Я закатала рукав и положила локоть на подлокотник. Алёна взяла мою руку обеими ладонями, осторожно повернула и стала искать вену. Движения были обычные, профессиональные, а я застыла от неожиданного ощущения: со мной обращаются бережно, хотя для этого не произошло ничего особенного.

Кто-то держал мою руку.

Я помнила, как Маша засыпала, вцепившись в мой палец, как обнимал Володя, как совсем недавно положил ладонь мне на плечо. Но здесь не нужно было никому отвечать, никого успокаивать. Можно было отдать руку и позволить другому человеку сделать то, что он умеет.

Алёна протерла кожу спиртом. Я смотрела на ее пальцы и на свою ладонь, словно увидела их со стороны. Иглу почти не почувствовала; услышала только пластмассовый щелчок, когда первая пробирка наполнилась кровью и медсестра взяла следующую.

— Хорошие у вас вены, — сказала она.

— Спасибо.

И заплакала.

Алёна подняла на меня глаза, продолжая менять пробирки. Не испугалась, не стала уговаривать немедленно успокоиться.

— Вам больно? Голова не кружится?

Я покачала головой.

— Тогда посидим. Не торопитесь.

— Простите.

— За это не надо извиняться.

Она закончила, вынула иглу и прижала место укола ватным тампоном.

— Подержите несколько минут. Руку можно держать выпрямленной, не сгибать.

Я сидела, прижимая ватку, пока она делала записи в журнале. Мне не приходилось объяснять, отчего я плачу, и молчание не становилось от этого неловким. Когда слезы прекратились, Алёна закрепила повязку и спросила, хорошо ли я себя чувствую, могу ли встать.

У двери я поблагодарила ее еще раз.

— Удачи вам, Светлана. И расскажите на приеме, что вас беспокоит. Не только то, что в списке.

На улице я задержалась в машине минут на десять. Смотрела на повязку, на проступавшую под кожей вену. Мне предстояло получить цифры, значения которых я не понимала, и очень хотелось, чтобы по ним кто-нибудь наконец прочитал меня целиком. Но сейчас важнее

была сама рука, которую я почему-то привыкла замечать лишь тогда, когда она уставала или болела.

Дома я записала:

Лаборатория. Алёна. Держала мою руку так спокойно, что я заплакала. Наверное, я давно не позволяла о себе заботиться без извинений. В следующий раз постараюсь не говорить «простите» за то, что мне трудно.

Я готова

Последние дни перед приемом прошли быстрее, чем первая неделя ожидания. Я всё еще уставала, но уже могла вспомнить не только то, что со мной было не так.

В пятницу я не пошла на работу. Сказала, что заболеваю. Володя, прежде редко бравшийся за ужин, приготовил его сам. Поджарил гречку с тушенкой: одно из немногих блюд, которые он готовит. Принес в спальню. Я ела с тарелки на коленях. Он сидел рядом на стуле. Молча. Когда я доела, он забрал тарелку, поцеловал меня в макушку и ушел мыть посуду.

Я не вспомню, когда он в последний раз целовал меня в макушку.

В субботу мне позвонила Лена. Я думала: спросит про прием. Не спросила. Сказала: «Свет, я хочу к тебе зайти просто посидеть». Пришла с пирожными из «Шоколадницы» на Смоленской. Мы три часа просидели на кухне. В какой-то момент Лена сказала: «Свет, ты молодец, что не отказалась после звонка. Многие после первого звонка отменяют. У тебя получится».

Я спросила: «Лен, у тебя получилось?»

Лена ответила: «Мне стало лучше. Но я не хочу, чтобы ты ждала точного повторения. Расскажешь потом, как будет у тебя».

Это был самый правильный ответ, который в этот момент мне могла дать подруга.

В воскресенье вечером я открыла анкету и дописала. Дописывала те страницы, которые в среду пропустила: про отношения с мужем, про маму, про детство и про первый брак.

Двенадцать страниц мелким почерком. С зачеркиваниями и вставками, которые я прежде постаралась бы переписать начисто. Я отсканировала листы и отправила их в ответном письме, а оригиналы убрала к остальным бумагам.

В понедельник Маша не позвонила.

Я заметила, что не жду. Раньше я по нескольку раз в день проверяла телефон. Не звонила сама, но ждала. Сейчас я вообще убрала телефон в сумку и не доставала. И к вечеру вдруг поняла, что не вынимала его пять часов.

В тетради появилась короткая запись: «Сегодня не ждала звонка весь день. Маша может заниматься своим. Я тоже».

В понедельник вечером пришли первые результаты анализов. На экране теснились цифры, часть из которых была отмечена цветом. Я попыталась прочитать пояснения, запуталась и закрыла файл. Прежде я бы всю ночь искала каждое отклонение, примеряя на себя незнакомые болезни. Теперь решила выписать вопросы и дождаться среды: тревога не сделала бы меня осведомленнее за два дня.

Файл я переслала доктору вместе с напоминанием о больничной выписке. Он подтвердил, что получил бумаги. Остальное предстояло обсудить на приеме.

Во вторник вечером я приготовила на стуле у кровати простую одежду: серые брюки, синий свитер. Из комода достала серый клетчатый шарф, подаренный папой.

В одиннадцать я легла, а около четырех проснулась. За окном под кленом горел желтый фонарь, освещая мокрые ветви. Он, должно быть, светил каждую ночь, пока я лежала без сна, но раньше я его не замечала.

Через несколько часов мне предстояло войти в незнакомый кабинет и говорить с человеком, которого я знала только по имени. У него уже были двенадцать страниц моих ответов. О некоторых вещах я не рассказывала так подробно даже Володе. От одной этой мысли хотелось забрать папку, переписать анкету короче, оставить только сон и усталость, с которыми не так стыдно обращаться за помощью.

Я потянулась к сумке и проверила, лежит ли выписка из больницы рядом с остальными бумагами. Еще раз посмотрела время приема. Всё было готово, кроме меня самой.

Чего я жду от этого человека? Объяснения, после которого перестану себя бояться? Плана на ближайшую неделю? Одной убедительной фразы? Наверное, понемногу всего. И всё же теперь я понимала, что разговор может не дать легкого ответа. Возможно, после него вопросов станет больше.

Но я готова.

Эти слова прозвучали про себя непривычно. Раньше я бы сказала, что готова к работе, к поездке, к ужину на десять человек. Сейчас нельзя было заранее составить список и разложить всё по местам. Можно было только прийти и постараться не скрывать того, с чем пришла.

Я еще немного полежала, потом встала и прошла на кухню. Открыв тетрадь, написала:

Среда. Утро.

Поставив точку, я оставила тетрадь на столе и пошла одеваться. До выхода оставалось несколько часов; на этот раз они уже не казались поводом передумать.

Еду.

ГЛАВА 3. Дверь

До звонка

В семь утра я стояла у плиты, глядя во двор, где желтый фонарь освещал мокрые ветви клена. Снег, выпавший на прошлой неделе, еще держался на них сероватым налетом. В кухне было темно; я не зажигала верхнего света, словно слишком яркое утро могло помешать мне собраться.

Выехала в девять сорок. До Пречистенки без пробок можно было добраться минут за двадцать, но я оставила себе больше часа. Меня пугала не дорога. Я знала, как легко нахожу причину свернуть, когда приближается разговор, которого хочется избежать. Заехать на работу за забытой папкой, купить воды, позвонить Лене. Любое пустяковое дело могло незаметно стать важнее приема.

На Садовом я держалась привычной полосы, не выключая старую песню по радио, но почти не слыша ее. Навигатор обещал приезд на двадцать минут раньше, и я убавила звук: больше напоминать об этом было не нужно. На тротуарах лежал мокрый снег. Начавшийся декабрь пока ничем не отличался от ноября, а мне почему-то хотелось увидеть доказательство, что прошло время и я действительно доехала.

Машину поставила во дворе старого четырехэтажного дома. Код от тяжелой деревянной двери прислали заранее. Набрав четыре цифры, я потянула ручку и вошла в подъезд, где пахло полированным деревом перил и, кажется, кофе с верхнего этажа. Лифта не было; широкая лестница с истертыми ступенями вела на третий.

На площадке оказалась одна дверь и маленькая латунная табличка: «Прием по записи». Я заметила ее только потому, что искала. Остановилась в двух шагах от звонка и посмотрела на телефон: десять сорок три. Еще семнадцать минут, в течение которых можно было уйти.

Сесть в машину, приехать на работу, сказать, что передумала. Я даже представила, как сниму пальто в редакции, как открою ту же рукопись и до вечера сумею ни разу не вспомнить эту площадку. До вечера, наверное, сумею.

Но уходить не захотелось.

Я не почувствовала ни внезапной храбрости, ни уверенности в том, что происходит. Просто поняла: если сейчас спущусь, мне придется еще раз проходить весь путь от листка на кухне до этой двери. Я уже слишком устала от собственных приготовлений, чтобы начинать сначала.

Постояв немного у окна, я запомнила свет на лестничной клетке, темное дерево двери и свое отражение в стекле. Не знаю, чего ждала от встречи. Пока хватало того, что я сюда пришла.

Позвонила.

Линия на бумаге

Дверь открыл сам доктор. Я ожидала увидеть женщину, с которой говорила по телефону, и на секунду растерялась, не успев приготовить приветствие.

Он был невысоким, худощавым, с коротко остриженными седыми волосами и очками в тонкой металлической оправе. На вид лет шестидесяти, может быть, старше. Темно-серая рубашка, синие джинсы, никакого халата. Скорее напоминал учителя литературы, которого бывшие ученики и через много лет называют по имени-отчеству.

Увидев меня, он отложил то, что держал в руках, и повернулся так, чтобы стоять прямо передо мной. Этот простой жест я почему-то заметила раньше всего остального.

— Светлана, здравствуйте. Сергей Михайлович.

Он протянул руку. Пожатие оказалось сухим и теплым, ровно настолько крепким, чтобы я почувствовала его ладонь. Так здоровался папа, когда хотел показать, что разговор предстоит взрослый и он меня слушает.

— Здравствуйте.

— Проходите. Раздевайтесь, не торопитесь.

В маленькой прихожей висело зеркало в раме черного дерева. Я сняла пальто, повесила на крючок и привычно прошла мимо отражения.

— Тапочки можете не надевать, пол теплый.

Следуя за ним, я вошла в кабинет. Здесь стояла такая тишина, что я сразу услышала, как за окном проехала машина. У окна располагался письменный стол со старой лампой под зеленым абажуром, открытым ежедневником и белой чашкой дымящегося чая. Одну стену занимал книжный стеллаж. У другой висели черно-белая фотография гор и репродукция «Viva la Vida» Фриды Кало. Потертые подлокотники двух кресел выдавали комнату, в которой много сидят и разговаривают.

— Садитесь, где удобнее.

Я выбрала кресло боком к окну. Отсюда можно было смотреть во двор, если во время разговора захочется отвести глаза. Доктор сел напротив, оставив письменный стол в стороне.

Между нами на низком столике лежала копия моей анкеты. Я узнала расположение строчек, вставки, собственный почерк на отсканированных страницах. На полях появились его пометки простым карандашом. Они напомнили мне красные штрихи Аксёнова в старой тетради. Только здесь перед доктором лежал не рассказ, и от сходства стало немного не по себе.

Доктор перелистал несколько страниц, словно проверяя, всё ли под рукой, а затем поднял глаза.

— Светлана, сначала вернемся к эпизоду за рулем. Я видел выписку, но хочу услышать, как это было. И что вам сказали на повторном осмотре.

Я рассказала. Он записал рекомендации, уточнил, было ли что-нибудь похожее после повторного обследования.

— Нет.

— Хорошо. Эту историю мы не будем объяснять одной усталостью. А теперь расскажите, что беспокоит вас каждый день. Начните с того, что вам самой кажется главным. Если на какой-то вопрос не захотите отвечать, так и скажите.

Я повторила про себя его последнее предложение. Можно не отвечать. Странно было услышать такое разрешение в комнате, куда я сама пришла за вопросами.

— Договорились, — сказала я.

Доктор отложил анкету и устроился в кресле удобнее.

— Расскажите мне, как вы сюда дошли. От того момента, когда у вас в руках оказался листок с моим телефоном, до того, как вы поднялись по лестнице. Я не про маршрут. Я про то, что происходило у вас внутри за это время.

Мне понадобилось время, чтобы выбрать начало. Он ждал, не подсказывая и не пытаясь помочь первым попавшимся вопросом. Я всё собиралась начать с листка Лены, а заговорила со светофора.

Рассказала про больницу, молоко в Пятёрочке, ночь у книжного шкафа. Потом про тетрадь, про ту неделю, когда не могла набрать номер, про мамину кухню, неожиданно вспомнившуюся за мытьем посуды. На рассказе об Алёне опять замолчала, потому что слезы подступили совершенно некстати.

Я говорила, наверное, минут сорок. Иногда доктор уточнял: когда перестала писать? Сколько было Маше, когда я вышла за Володю? Лечилась ли мама от давления до инсульта? Вопросы не уводили в сторону, а возвращали туда, где я слишком быстро перескакивала через годы. Он делал короткие заметки, но большую часть времени смотрел на меня.

Наконец я заметила, что больше не тороплюсь заполнить каждую паузу. История дошла до сегодняшнего утра, и можно было закончить.

— Это всё, — сказала я. — Дальше я приехала сюда.

Доктор немного наклонился вперед, положив ладони на колени.

— Светлана, спасибо. Я вас услышал. Теперь попробуем собрать то, о чем вы рассказали. Если я ошибусь, поправьте. Что-то будет непонятно, остановите меня.

Он сходил к столу за чистым листом и карандашом, вернулся в кресло и положил бумагу между нами.

— Сначала нарисуем вашу историю. Это не диагноз и не объяснение всех жалоб. Мне нужно убедиться, что я правильно вас понял.

Через середину листа он провел горизонтальную линию, от одного края до другого.

— Это ваша жизнь, — сказал он. — Условно — от двадцати лет до сегодняшнего дня. Слева — двадцать. Справа — пятьдесят пять.

Поставив несколько рисок, доктор стал подписывать их короткими словами. Не спешил, время от времени сверяясь со мной.

— В двадцать три написали «Лестницу», которую позже напечатали. Потом первый брак, в двадцать семь родилась Маша. Вскоре развод, вы остались с маленькой дочерью. Верно?

Я кивнула.

— Здесь, когда вам было двадцать девять, мамина кухня. Вы запомнили ее слезы. Дальше Володя, второй брак, вам тридцать один, Маше четыре. Постепенно чужие рукописи заняли место собственных. Примерно в тридцать пять умер отец. Позже мама, в семьдесят два; вам тогда было около сорока шести. Потом Маша стала жить отдельно. Лет пять назад появились изменения цикла, а теперь ноябрьские эпизоды, тетрадь, сегодняшняя встреча.

Он провел пальцем над линией, не касаясь бумаги. Я следила за его движением и впервые видела эти события рядом, без промежутков, в которые обычно прятала повседневные хлопоты. Некоторые даты пришлось уточнить. На месте, где он подписал «Володя», я задержала взгляд дольше.

Он положил карандаш. Посмотрел на меня.

— Вот. Это ваша линия жизни. Согласны?

Я смотрела на лист, на несколько отметок, вместивших то, о чем я только что говорила так долго. Целая жизнь легко поместилась на листе, если не знать, каково было в ней жить.

— Да.

— Теперь я попрошу вас сделать одну вещь, — сказал он. — Покажите мне на этой линии место, где вы отдыхали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.